

III.2.3. В. Н. Дёмин и гипердиффузионизм

Суть исторической концепции В. Н. Дёмина подытожена им самим. Чтобы избежать упрека в неточном изложении авторской мысли, придётся злоупотребить длинной цитатой:

«Под воздействием космических сил и ударами стихий русская и мировая Гиперборея канула в Лету, оставив о себе смутные воспоминания в памяти народов, либо являющихся прямыми потомками и наследниками Счастливой страны, либо живших по соседству и соприкасавшихся с древними хранителями и носителями высоких знаний и культуры, включая астрономические представления и космическое мировоззрение. Рядом обитали иные племена — их уровень развития был значительно ниже. Именно о них нам известно по результатам многолетних археологических раскопок. <... > Гиперборея — древнейшая цивилизация Земли — оказала решающее влияние на все последующие социокультурные процессы, положив начало как протоиндоевропейской, так и неиндоевропейским общностям и культурам. Её история стала также и началом предыстории русского народа. После гибели Гипербореи наши прапредки постепенно расселились по просторам Восточной Европы, не менее двух раз побывали в Передней Азии, достигнув Египта (в библейские времена и на волне скифского нашествия), с гуннами дошли почти до Атлантического океана и вернулись назад, основали мощнейшее государство средневековой и новой истории — Россию, вновь заселили и освоили Север Евразии и Сибирь. Русские всегда и вновь возвращаются на родину предков» (Дёмин 1997: 260—261).

По классификации антропологических учений, принятой Л. С. Клейном, «моногонизм» В. Н. Дёмина — это крайний моноцентрический гипердиффузионизм в духе «манчестерской школы» Г. Эллиота Смита (см. Клейн: В печати, XII, 4). Суть этой идеи — в том, что в мире всегда был только один народ-культуртрегер, все остальные лишь заимствовали его достижения. Сам Г. Эллиот Смит отводил эту роль Египту, достижения которого разнесла по белу свету некая «мегалитическая раса»: её следы он усматривал всюду, где есть дольмены, менгиры и/или другие циклопические строения. Одно время этими идеями интересовались учёные (в частности, к «манчестерцам» был какое-то время близок молодой Г. Чайлд), но постепенно школа превратилась в обычный духовно-мистический кружок. В то же время, однако, Ф. Делич и Г. Винклер отстаивали идею панвавилонизма — всё, что в мире есть хорошего, идёт из Вавилона. А дальше появились новые теории такого же рода, половина из них — с приставкой «пан-» (например, исторические компоненты пангерманских или пантюркистских идей). При этом Л. С. Клейн отмечает интересную особенность: авторы таких идей всегда размещали центр цивилизации либо у себя на родине, либо в тех странах, на которые их родина имела колониальные притязания. Так, во времена Эллиота Смита Египет был протекторатом Англии, а Германия (где работали Ф. Делич и Г. Винклер) готовилась к захватам на Ближнем Востоке, в том числе и в Ираке.

«С 1971 г. журнал “New Diffusionist” явно пытается гальванизировать труп гипердиффузионизма Эллиота Смита и Перри. В статьях этого журнала не содержится ни новых идей, ни глубоких теоретических разработок, ни критики источников, ни вообще строгой методики на современном уровне, ни попыток понять сложность явлений, проверить и включить в более широкую систему разные, в том числе иные, недиффузионные возможности объяснений. Движущим стимулом является полемический азарт, ориентиром — своего рода культ предков, а основным приёмом — односторонний подбор фактов в пользу

априорно диффузионного решения и против идеи независимого происхождения различных цивилизаций (особенно Нового Света). Суровые отзывы “Antiquity” <...> приходится признать справедливыми» (Клейн 2005—2009 {1977}: 72).

Моногенизм — чрезвычайно упрощённая философия, в которой любое сходство любых явлений объясняется общностью происхождения и выводится едва ли не механически. Так, В. Н. Дёмина возмущает «отторжение древнейших корней русского народа и установление границы его исторического бытия где-то в IX веке н. э. (некоторые снижают эту ограничительную планку до IV—VI веков)» (Дёмин 1997: 22). Даже не рассматриваются аргументы в пользу такой точки зрения. Например, тот, что до Прокопия Кесарийского (VI в. н. э.) даже слово «славяне» не упоминается ни в едином источнике — а ведь этнос появляется только вместе с этнонимом: нет имени — значит, нет и сознания своей общности, нет и самой общности. М. Б. Шукин, посвятивший эпохе поздней античности Восточной Европы всю свою долгую исследовательскую жизнь, решался лишь с большой осторожностью слегка опустить вниз этот рубеж: «Зачатки же собственно славянского самосознания могли зародиться, скорее всего, в рамках того социального единства, которое нашло своё археологическое выражение в виде киевской культуры» III—V вв. н. э. (Шукин 1997: 143; см. библиографию: там же: 143—147). В. Н. Дёмин, видимо, даже не догадывался, что такие выводы делаются не из политических пристрастий, а из скрупулёзных исследований текстов и археологических памятников, что для их подтверждения (или опровержения) нужно перебрать собственными руками не одну тысячу костей и черепков керамики. Не упоминается, что то же самое относится ко всем этносам без исключения. Этногенез современных французов и англичан, хорошо документированный в источниках, приходится на ту же эпоху, что и этногенез русских (а то и позже: англосаксы до эпохи Вильгельма Завоевателя — не единственные предки современных англичан), и ни у одного из современных народов «корни» не прослежены глубже бронзового века. И это даже если допустить, что древние и современные греки, евреи или китайцы — один и тот же этнос, а не целые «семьи», в которых дети перенимают эстафету у родителей (например: минойцы и микенцы — античные эллины — византийцы — современные греки). Но никто обычно не страдает комплексом неполноценности по этому поводу.

Итак, В. Н. Дёмин подытоживает: «В результате повсеместно насаждается мнение, что до определённых (указанных выше) временных пределов русский народ как бы вовсе и не существовал, пребывая во внеисторическом состоянии, а когда возник (вроде бы из небытия) на исторической арене, то просто воспринял идеологию, культуру и государственно-правовые традиции, сложившиеся до него и без него» (1997: 22). В противовес этому выдвигается «патриотичная» точка зрения, что русский народ (как и все прочие) существовал *всегда*, хоть не всегда выделялся из первичной общности.

Такая точка зрения равносильна преформизму — биологической теории, отвергнутой ещё в XVIII веке, согласно которой при развитии зародыша во взрослую особь происходит лишь его пространственный рост, сам же он обладает всеми чертами взрослого, только в миниатюре. Спорили лишь о том, где содержится такой зародыш — в сперматозоиде или в яйцеклетке. И П.-Л. Мопертюи убил эту теорию

наповал своей «Диссертацией по поводу белого негра»⁵³: если бы она была верна, то наследование могло бы идти либо только по отцовской линии, либо только по материнской, так что новые морфотипы людей вообще не могли бы появиться. Почему же в таком случае от брака белого с негритянкой рождается не белый и не негр, а мулат? Кроме того, согласно преформизму, зародыши потомков содержатся готовыми в гаметках предков и далее только растут. Так, по Галлеру, в яичниках Евы содержалось более 200 миллиардов зародышей. Но тогда зародыш уже 5-го поколения потомков должен иметь размеры меньше атома (см.: Медников 1982). Добавим к этому, что преформизм (в биологии ли, в истории ли) позволяет не решить вопрос, а обойти его: почему люди таковы, каковы они есть? — Потому что они всегда были такими — в состоянии ли зародыша, с начала ли времён!

На деле же психологическая основа такого удревления — установка, идущая ещё от античности: честь народа зависит от того, насколько древняя у него история. Так, античные антисемиты утверждали, что евреи как этнос существуют только 300 или 400 лет, а значит, не могут быть равны грекам или египтянам. Споря с такими обвинениями, Иосиф Флавий защищал авторитет библейской истории («О древности иудейского народа (Против Апиона)»), не оспаривая, однако, правомерность самой постановки вопроса в таком виде. В этом случае американцам вообще должно быть стыдно в приличном обществе: их история — всего лишь 400 лет (с основания Виргинии в 1607 г.). Скажите им об этом, когда в очередной раз придёте брать займы! И кто вообще сказал, что у молодости нет своих преимуществ?

И по предпосылкам, и по выводам моноцентрический моногенизм равнозначен расизму. Люди в нём признаются неспособными ни к какому новому творчеству. Предтеча этого направления — Фридрих Ратцель (1844—1904) — в своей «Истории человечества» (1886) утверждал: «Мы должны предупредить от того, чтобы мыслить необходимыми даже простые изобретения» (цит. по: Клейн, в печати, гл. XI,3). Всё новое появляется случайно в каком-либо одном месте и затем лишь передаётся из первоначального центра всему остальному миру по эстафете из рук в руки. О том же, почему такая случайность иногда всё же происходит, Ф. Ратцель даже не ставил вопроса: позитивизм не допускал его научной постановки на базе известных в то время фактов. Однако моногенизм делает важную поправку к диффузионизму Ф. Ратцеля: никто не способен на творчество, но *один* народ — способен! Почему — не объясняется никак: объяснения заменяются ссылками на результаты, то есть на факты (или на то, что в то время принималось за факты). Так, для Эллиота Смита ссылка на Египет казалась неопровержимой: в то время считалось бесспорным, что именно там — колыбель цивилизации. Чем-то этот избранный народ напоминает олицетворённую фигуру умолчания — «всесовершеннейшего мужа» по имени Никто (Nemo) из сочинений вагантов, для которого всё невозможное возможно. Сказано, например: «никто же восходил на небо», — значит, Никто восходил на небо (Никто... 1975: 341)! Сказано: «**никто же способен**» создать культуру из ничего, — значит, этнографический Никто на это способен!

Причём саму по себе эту логику нельзя назвать антинаучной. Именно в этом — смысл знаменитого принципа И. Ньютона. Когда последователи Декарта упрекали его в том, что загадочная и внешне антропоморфная сила тяготения возвращает нас

⁵³ Полное название — «Физическая Венера, или Физическая диссертация по поводу белого негра» (1774).

к схоластике с её мистическими «сущностями», Ньютон отвечал просто: хотя гравитация и загадочна, но ее существование подтверждается опытом, а *hypotheses non fingo* («гипотез же я не измышляю», или «домыслов не сочиняю» — равно возможны оба варианта перевода).

В который раз мы обнаруживаем, что даже крайняя сциентистская идеология — позитивизм — способна быть базой для антинауки! А может быть, дело именно в том, что она — крайняя? В тождестве противоположностей? Или дело не в этом, а в восприятии её отдельных принципов «массаами», то есть людьми, уважающими лишь авторитет (или, по меньшей мере, плоды) науки, но не понимающими ни сути, ни пределов научности? Не понимающими, например, что наука — внеморальна, но *практическое* применение технологий, пусть сколь угодно научно обоснованных, не свободно от моральных ограничений? Все диктаторы XX века легко переходили от демонстративного презрения к «буржуазной» (или «еврейской») науке к самым бессовестным политическим технологиям, основанным на рекомендациях «идеологически выдержанной» науки.

III.2.4. Н. С. Трубецкой

Князя Н. С. Трубецкого никто обычно не причисляет к расистам. Тем не менее наследственности — как видно из контекста, наследственности биологической — он постоянно отводит особую роль. Вот лишь небольшая подборка отрывков:

«Наконец, кроме традиции, самую важную роль в развитии культуры играет наследственность (фактор, недооценённый Тардом). Наследственность дополняет собою традицию, и при помощи её из поколения в поколение передаются вкусы, предрасположения и темпераменты тех, кто творил культурные ценности в прошлом, что и способствует органичности всего развития культуры» (Трубецкой 2007 {1920}: 122).

«Наконец, для того, чтобы данное открытие было принято всеми или большинством, необходимо, чтобы вкусы, предрасположения и темперамент его создателя не противоречили психическому укладу данного общества, — а для этого нужна единая наследственность» (Трубецкой 2007 {1920}: 122—123).

«Наконец, наследственность не может быть заимствована без антропологического смешения А с В, да даже и при таком смешении наследственность у помеси А и В будет иная, чем у одного В» (Трубецкой 2007 {1920}: 123).

«Правда, приняв её, он всё же будет отличаться от чистых романогерманцев по своей наследственности. Но и приняв другую культуру, он тоже будет иметь наследственность, не вполне этой культуре соответствующую, т. к. в его жилах течёт отчасти и романогерманская кровь. Таким образом, по отношению к народам, антропологически смешавшимся с романогерманцами, вопрос о желательности или нежелательности европеизации теряет всю свою остроту и весь свой смысл» (Трубецкой 2007 {1920}: 128).

Читателя, знакомого с рассуждениями «последнего евразийца» Л. Н. Гумилёва (1992: 170 — см. ниже, III.18) об иудаизме, передаваемом «половым путём», не может не насторожить рассуждение «первого евразийца» об «...общероманогерманской национальной психологии, передаваемой путём наследственности и традиции...» (Трубецкой 2007 {1920}: 132). На этих же соображениях основан и пессимизм князя по поводу возможности плодотворных культурных заимствований: